

Лейдерман Н. Л. Жанр и проблема художественной целостности // Проблемы жанра в англо-американской литературе (XIX–XX вв.). Вып. 2. Свердловск, 1976.

Одинокое В. Г. «Думы» и «Войнаровский» К. Ф. Рылеева // Одинокое В. Г. Поэтика русских писателей XIX века и литературный процесс. Новосибирск, 1982.

Рылеев К. Ф. Полное собрание стихотворений. Л., 1971.

Фризман Л. Г. «Думы» Рылеева // Рылеев К. Ф. Думы. М., 1975.

С. Р. Омельченко

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКИХ МЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

В современной отечественной лингвистике все большее внимание уделяется изучению ментальных процессов и структур, представленных в языке и речи. Исследования по теории ментальности свидетельствуют о том, что в науке еще нет четкого представления об этом феномене, намечаются лишь отдельные проблемы и пути их решения [см., например: Апресян, 1995; Арутюнова, 1999; Булыгина, Шмелев, 1997; Вежбицкая, 1996; Колесов, 1999; Кубрякова, 1997 и др.].

Вслед за В. В. Колесовым, мы понимаем ментальность как «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Колесов 1999, 81]. В статье используется термин «языковая ментальность», который соотносит ее прежде всего с мировоззренческой структурой сознания, а также с закреплением результатов мыслительной деятельности в естественном языке [см.: Арутюнова, 1999, 411–437; Пименова, 1999, 80; Почепцов, 1990, 111 и др.].

Анализ ментальности предполагает, как правило, сопоставительный анализ разных языков [см. об этом: Вежбицкая, 1996; Гак, 1989; Головановская, 1997]. Изучение изолированной ментальности сосредоточено в основном на общих или частных характеристиках того или иного национального языка [см.: Колесов, 1999; Телия, 1996]. Но, как известно, в социальной структуре любого высокоразвитого национального языка наряду с другими разновидностями выделяются территориальные диалекты, обслуживающие общение определенного этнического коллектива. Каждую такую этническую общность можно рассматривать в качестве специфической социокультурной среды, язык которой обусловлен исторической и культурной традициями, мировосприятием, этническим самосознанием и т. п. С учетом этого возможно исследование способов выражения ментальности как литературного языка, так и определенного диалекта.

Одним из средств выражения ментальности являются ментальные глаголы, или предикаты. В настоящей работе ментальные глаголы рассматриваются в качестве таких лексем, которые не просто называют процесс

мышления, а содержат в своей семантике элементы его описания и указывают на национально-этническую специфику восприятия, понимания, познания окружающей действительности отдельной языковой личностью или этнолингвистическим сообществом в целом. В нашем материале представителями подобного этнолингвистического сообщества являются волго-донские казаки.

Анализ функционально-семантических свойств ментальных глаголов (4130 случаев употребления), извлеченных методом сплошной выборки из трилогии Е. А. Кулькина «Смертный грех» и устной речи казаков, проживающих в станице Луковская Нехаевского района Волгоградской области, показывает, что эти и другие единицы, которые соотносятся с понятием мышления, можно представить в виде ментального поля.

В научной литературе уже предпринимались попытки исследования этого поля, однако в силу неразработанности критериев выделения данной парадигмы остаются нерешенными вопросы, касающиеся определения ее статуса, установления иерархической организации ее структурных элементов и, наконец, упорядочения системы терминов, относящихся к единицам этого поля [см.: Гак, 1993; Головановская, 1997; Лауфер, 2000 и др.]. Терминологическое многообразие, представленное в этих и других работах, когда одни и те же слова именуются то ментальными, то путативными или фактивными, то глаголами пропозиционального отношения, то эпистемическими глаголами и т. п., свидетельствует о неоднозначном понимании системных и функциональных характеристик интересующих нас глагольных лексем [см., например: Апресян, 1995, 115–134, 355, 365, 410–430; Арутюнова, 1999, 411–437; Булыгина, Шмелев, 1997, 151–166; Лауфер, 2000, 65; Логический анализ языка, 1988, 6–22, 23, 33–46 и др.].

Сопоставление данных академических словарей современного русского литературного языка (далее ССРЛЯ и СРЯ), Толкового словаря русских глаголов (ТСРГ), Толкового словаря живого великорусского языка В. И. Даля (СД), а также Словаря русских народных говоров (СРНГ), Большого толкового словаря донского казачества (БТСДК) с употреблением ментально отмеченных глагольных лексем в текстах письменной и устной речи позволяет установить систематизирующие принципы организации слов в рамках рассматриваемого поля. Для нас важно не только то, что зафиксировано в словарях, но и то, что функционально проявляется у ментальных глаголов в речи, в условиях контекста. Поэтому ментальные глаголы характеризуются в нашей работе комплексно на лексическом и лексико-грамматическом уровнях с учетом их системно-языковых свойств и особенностей функционирования.

Вслед за С. П. Лопушанской, мы разграничиваем семантическую структуру как единство взаимодействующих разноуровневых значений, организованных в пределах отдельного слова определенным способом в соответствии с системой данного языка и с закономерностями функционирования этой системы в речи (в тексте), и смысловую структуру словоформы, функционирующей в контексте [см.: Лопушанская, 2000, 23].

При определении смысловой структуры мы исходим из двух типов контекстуально обусловленных семантических изменений – семантической модуляции

и семантической деривации. Понятие «семантическая модуляция», введенное С. П. Лопушанской для разграничения изменения недеривационного и деривационного характера, обозначает процесс перегруппировки в семантической структуре слова разноуровневых признаков при сохранении категориально-лексической семы [см.: Лопушанская, 2000, 22].

Ментальные глаголы, объединяющиеся в составе рассматриваемого функционально-семантического поля, характеризуются общностью значения. Все структурные элементы ментального поля так или иначе соотносятся с понятием мышления. Известно, что мышление «представляет собой процесс и, как всякий процесс, предполагает такие компоненты, как субъект, сам процесс, объект, второй объект, место, орудие, характеристика процесса, временной параметр» [Гак, 1993, 24].

Компонентный анализ структуры лексического значения ментальных глаголов показал, что особенность их связи с мышлением заключается в наличии интегральной семы 'осуществление ментальной деятельности', которая может иметь статус категориально-лексической, дифференциальной или потенциальной. Данная сема уточняется, конкретизируется при помощи различных дифференциальных и потенциальных сем: 'характер субъекта', 'характер объекта', 'ментальное действие субъекта', 'характер ментального действия', 'ментальное отношение субъекта к объекту', 'характер ментального отношения', 'ментальное состояние субъекта', 'характер ментального состояния', 'наличие/отсутствие интеллектуальных операций' и др.

Взаимодействие компонентов семантической структуры ментальных глаголов свидетельствует о разнообразных ситуациях мыслительного процесса. На наш взгляд, такие ситуации можно свести к одной базовой семантической модели, связанной с отражением структуры мыслительного процесса: а) субъект мыслящий, б) сам процесс мысли и 3) объект мысли.

В данном случае мы отталкиваемся от феноменологического понятия интенциональности, которое означает направленность мысли на предмет, свойство переживать, «быть сознанием чего-то» [см.: Гуссерль, 2000, 378, 380–381].

Процесс мышления всегда предполагает направленность мысли субъекта на объект, который может быть прямым или косвенным, эксплицитным или имплицитным, конкретным или абстрактным, одушевленным или неодушевленным и т. д. Например, в семантической структуре глаголов *мыслить*, *размышлять*, *думать*, *мечтать* и т. п. нет указания на прямой объект, однако сама способность субъекта мыслить конкретно или абстрактно предполагает наличие косвенного объекта мысли, без которого процесс мышления просто невозможен.

Базовая модель «субъект мыслящий – процесс мысли – объект мысли», присущая семантике ментальных глаголов и обобщенно передающая сущность отображаемой типовой ситуации, связанной с процессом мышления, может рассматриваться в качестве идентификатора, который служит основанием лингвистического описания ментальной глагольной лексики в рамках функционально-семантического поля. Учет представленности ментальной семантики в первичных или вторичных значениях данных лексем позволяет выделить

в составе исследуемого поля ядерные, центральные и периферийные элементы.

В качестве ядерных единиц ментального поля в нашем материале выступают глагол *мыслить* и широко распространенный в диалектах глагол *мороковать*. Эти глагольные лексемы имеют ментальную семантику изначально, сема 'осуществление ментальной деятельности' является категориально-лексической и присуща основному значению, которое может отражать различные характеристики мыслительного процесса.

У слова *мыслить* в академических толковых словарях зафиксированы следующие значения: 1) рассуждать, сопоставляя явления объективной действительности и делая выводы; 2) строить умозаключения, сопоставляя мысли и делая из них выводы; 3) направлять мысли на кого-, что-либо; думать о ком-, чем-либо; размышлять; 4) представлять что-либо в мыслях; воображать, допускать; 5) намереваться, предполагать, помышлять, рассчитывать сделать что-либо [см.: ССРЛЯ, 1948, III, 1420; СРЯ, 1986, II, 317].

У слова *мороковать* и его варианта *мараковать* в справочных изданиях представлено, во-первых, значение «соображать, думать» [см.: БТСДК, 2003, 287; СРНГ, 1982, вып. 18, 274]. Во-вторых, выделяется еще ряд значений, связанных с процессом мышления: «понимать», «знать», «смыслить», «смекаать» [см.: СД, 1999, II, 348]. Кроме того, в ССРЛЯ эта лексема зафиксирована с пометой *прост.* и в значении «разбираться в чем-л., понимать, смыслить что-л.» [ССРЛЯ, 1957, VI, 619].

Толкование глаголов *мыслить* и *мороковать* (*мараковать*) в справочной литературе подтверждает их употребление в нашем материале. Однако в условиях контекста во взаимодействии с различными контекстуальными уточнителями в смысловой структуре этих лексем наблюдается опосредованная реализация мыслительного процесса как действия, состояния или отношения.

Например, в трилогии Е. А. Кулькина встречаем глагол *мыслить* в следующем контексте:

- А вот Архимед, говорили, открыл свой закон в ванне. Случайно, можно сказать.
- Правильно. Это как раз и говорит, что он *мыслил* даже тогда, когда купался.

[Кулькин, 1996, 297]

В составе данного диалогического высказывания глагольная лексема *мыслить* употреблена в значении «рассуждать, сопоставляя явления объективной действительности и делая выводы». Семантика глагола отражает структуру мыслительного процесса: субъект мыслящий, сам процесс мысли, объект мысли. Субъект, репрезентированный личным местоимением *он*, указывает на то, что речь идет об Архимеде. Объект выражен имплицитно, однако компонентный анализ значения глагола *мыслить* показывает, что ему присуща актантная позиция не только субъекта, но и объекта: мысль направлена на явления окружающей действительности. Процесс мысли представлен как определенное психологическое состояние субъекта, характеризующееся неограниченной длительностью. Форма несовершенного вида прошедшего времени глагола *мыслить* передает значение постоянного существования такого состояния.

Контекстуальные уточнители *даже*, *тогда* указывают на то, что субъект находился в состоянии размышления в разных ситуациях своей жизни: *даже тогда, когда купался*.

В контексте устного рассказа жителя станицы Луковская Г. И. Щеголькова глагол *мыслить* имеет значение «представлять что-либо в мыслях; воображать, допускать»: *Я так себе мыслю демократию: сначала людям надо повысить зарплату и пенсию, дать всем работу, а потом уж говорить о демократии*. В качестве субъекта в этом контексте выступает сам говорящий, который выражает свое отношение к объекту мысли, репрезентируемому лексемой *демократия*. Во второй части предложения раскрывается позиция говорящего относительно демократии. Здесь содержится оценочный компонент, эксплицируемый однородными сказуемыми (*повысить, дать, говорить*). Члены этого ряда находятся в одинаковых синтаксических отношениях с определяемым словом *демократия*, образуя целостный семантический комплекс. Противопоставление глагола *говорить* двум другим (*повысить, дать*) помогает передать негативную оценку говорящего.

Ментальная семантика диалектной лексики *мараковать* тоже подтверждается контекстуально. Например, в трилогии Е. А. Кулькина встречаем: *В правлении мараковали над тем, как же провести быстрее сев* [Кулькин, 1996, 467].

Здесь лексема *мараковать* употреблена в значении «соображать, думать» и обозначает ментальный процесс как интеллектуальное действие субъекта, представленного имплицитно. Это действие направлено на объект мысли, в качестве которого выступает ситуация, связанная с профессиональной деятельностью субъекта.

В другом примере из устной речи жительницы станицы Луковская глагол *мараковать* употреблен А. Г. Шабановой также в значении «соображать, думать»: *Старая уже стала, начнешь кроить, маракуешь головой и так и эдак, пока примаракуешь что-то, сто потов сойдет*. Словоформы этого глагола передают динамику мыслительного процесса, представляя его как интеллектуальное действие, которое характеризуется длительностью (*маракуешь*) и результативностью (*примаракуешь*). В качестве объекта при словоформе *маракуешь* выступает также ситуация профессионального занятия субъекта, а при словоформе *примаракуешь* – неопределенный предмет, репрезентируемый местоимением *что-то*, однако имеющий непосредственное отношение к ситуации профессиональной деятельности субъекта.

Лексема *мараковать* встретила нас и в значении «разбираться, понимать, смыслить что-л.». Например, А. Г. Шабанова, вспоминая о своем муже, сказала: – *Муж мой в технике мараковал, как семечки щелкал*. В данном случае ментальная деятельность предстает как способность субъекта проникать в суть явлений на основе знания, опыта.

Глаголы *мыслить* и *мороковать* (*мараковать*) являются наиболее репрезентативными в содержательном и функциональном плане элементами ментального поля. Семантическая структура этих глаголов задает параметры ментального поля, в состав которого входят лексико-семантические группы глагольных единиц (далее ЛСГ), которые можно дифференцировать с учетом

представленности ментальной семантики в первичных или вторичных значениях данных лексем.

Центральную часть рассматриваемого поля образуют лексемы литературного языка и диалектной речи, у которых сема 'осуществление ментальной деятельности' является категориально-лексической и присуща основному значению, отражающему различные стороны мыслительного процесса.

Известно, что процесс мышления есть не что иное, как познание. Этому признаку соответствует ЛСГ глаголов познания, в семантике которых содержится указание на приобретение знания: *познавать/познать, дознаваться/дознаваться, допытываться/допытаться, спознавать/спознать, узнавать/узнать, обнаруживать/обнаружить* и т. п.

Указание на сохранение познанного отражено в семантике лексем, относящихся к ЛСГ глаголов знания (*знать, ведать, владеть знаниями, иметь знания, кумекать*) и глаголов памяти (*помнить, вспомнить, памятовать, упомнить*).

Глаголы знания могут обозначать различную степень адекватности действительности:

- знания соответствуют действительности (объект реален): *знать, ведать*;
- неопределенность знаний (объект недоверен): *сомневаться, сумлеваться, верить, считать, полагать, предполагать, иметь мнение*;
- знания не соответствуют действительности (объект нереален): *выдумывать, придумывать, ошибаться* и т. п.

Для глаголов памяти характерна семантика ретроспекции, то есть сопоставление нового знания с прежним: *вспомнить, памятовать, упомнить* и т. п.

Далее можно выделить ЛСГ глаголов мышления, обозначающих различные мыслительные операции:

- суждение, умозаключение, формулировки (*судить, рассуждать, оценивать, мозговать/обмозговать, мозголовить, замозголовить, подумкивать/подумкать, подумкивать*);
- сравнение и сопоставление (*сравнивать, сопоставлять, различать, обобщать, опознавать*);
- выявление причинно-следственных связей (*додумываться/додуматься, понимать/понять, осмыслять/осмыслить, смекать/смекнуть, соображаться/сообразиться, разгадывать/разгадать, уразуметь, уяснять/уяснить*);
- направленность мысли в будущее: *предвидеть, предусматривать; намереваться, собираться, замышлять, решить, плановать, придумать, удумать*.

Как показал компонентный анализ, в лексико-семантических группах глагольных лексем с первичным ментальным значением, образующих центральную часть рассматриваемого поля, преобладают литературные слова, и это не случайно, поскольку именно литературный язык в силу сложившихся исторических причин обладает большими возможностями «для осуществления отвлеченного, логического мышления» [см. об этом: Горбачевич, 1989, 7].

Наличие в нашем материале ментальных лексем, значения которых зафиксированы в диалектных словарях как первичные (*доумиться, мозголовить, замозголовить, подумкивать/подумкать, подумкивать, сумлеваться, разуметь*), свидетельствует, во-первых, о прочной традиции употребления этих слов

в диалектах, во-вторых, об одной из тенденций языкового развития, отражающих своеобразие интеллектуальной деятельности казаков, соотносимой в их представлении с понятиями *ум* и *мозг*. Видимо, так можно объяснить словообразовательную связь указанных диалектных ментальных глаголов с этими существительными: *доумиться*, *подумакивать/подумакасть*, *подумкивать*, *сумлеваться*, *разуметь*, *мозголовить*, *замозголовить*.

Исходя из генезиса мысли, ее положения в общей структуре деятельности человека, а также принимая во внимание этапы речемыслительного акта, в ходе которого у лексических единиц могут происходить семантические изменения двух типов – модуляции и деривации, можно выделить периферийную часть ментального поля.

Периферийную часть ментального поля образуют глаголы, у которых ментальная семантика присуща вторичным значениям. Подобные глаголы можно разделить на два разряда. Первый образуют лексемы, у которых сема ‘осуществление ментальной деятельности’ входит в структуру вторичных прямых или переносных значений, зафиксированных в толковых словарях литературного языка и диалектной речи. Это свидетельствует о регулярности процессов перегруппировки разноуровневых признаков в смысловой структуре слова и может рассматриваться как системно-языковой факт.

Второй разряд образуют лексемы, у которых сема ‘осуществление ментальной деятельности’ также входит в структуру вторичных прямых или переносных значений, но не зафиксированных в названных словарях. Это означает, что процессы перегруппировки семантических признаков в смысловой структуре ментальных лексем не являются регулярными и могут рассматриваться как речевой факт.

В соответствии с этими фактами, связанными с процессами семантической модуляции и деривации, можно говорить о ближней и дальней периферии ментального поля.

К ближней периферии относятся ЛСГ глаголов восприятия, глаголов речевой деятельности, глаголов определенного действия и др., у которых сема ‘осуществление ментальной деятельности’ входит в структуру вторичных прямых или переносных значений, зафиксированных в различных толковых словарях литературного языка и диалектной речи.

Наш материал подтверждает, что такие глаголы, употребляясь в тексте, приобретают ментальную семантику прежде всего на уровне вторичных прямых значений. Различные контекстуальные партнеры (абстрактные существительные, наречия и т. п.) актуализируют ментальные компоненты в смысловой структуре данных глагольных лексем.

Например, для ЛСГ глаголов восприятия (*видеть*, *глядеть*, *смотреть*, *слышать*, *чуять*) главным, первичным является значение «воспринимать что-л. каким-л. образом (зрением, слухом, обонянием) с помощью каких-л. внешних органов чувств». Во вторичных значениях данных глаголов в результате перегруппировки семантических признаков, обусловленной контекстуальными условиями, отражается ментальный процесс. Данные глаголы приобретают вторичное ментальное значение с актуализированными семами ‘понять’, ‘оценить’ и др.

Ср. предложения: *Несколько раз наворачивалось на язык Степана дерзкое слово, но он проглатывал его вместе со слюной, когда видел на шее Лушки такую симпатичную родинку...* [Кулькин, 1996, 286]; *Мне порою, кажется, что жизнь бесконечна, как вот эта дорога... Но это только порой, а иной раз я вижу ясно цель, к которой иду* [Там же, 296].

В первом предложении глагол *видеть* обозначает зрительное восприятие конкретного предмета, о чем свидетельствует сочетаемость с существительным *родинка*. Во втором примере это уже глагол понимания, значение которого указывает на ментальную деятельность, связанную с состоянием размышления о смысле жизни; в этом случае данный глагол сочетается с абстрактным существительным *цель*, репрезентирующим объект мысли, и наречием *ясно*. Оба контекстуальных уточнителя подчеркивают осознание субъектом цели своего существования на земле. Ср. также: *Глядит он на нее, и, кажется, что-то обождалось в нем...* [Там же, 285]; *Проверить я вашего уполномоченного хотел... Вот я ему и попустил сапухи под нос. Гляжу, свой человек. Иначе меня не позвал бы* [Там же, 277].

В первом случае глагол *глядеть* обозначает зрительное восприятие конкретного предмета; во втором – это глагол понимания, значение которого сообщает о логическом умозаключении субъекта относительно сущности другого человека. Данное значение актуализируется при помощи смысловой модели предложения, которая представляет собой своеобразную энтимему, состоящую из «посылки» (с целью проверки уполномоченного субъект *пустил ему сапухи под нос*) и вывода (*гляжу, свой человек, иначе меня не позвал бы*).

Глаголы ЛСГ слухового восприятия также могут выражать ментальное значение в условиях контекста. Например: *Шел он как-то с вязанкой хвороста через пойменный прилесок, слышит гомон на дороге* [Там же, 285]; *Она слышала про коллективизацию, много читала про колхозы* [Там же, 295].

В первом предложении глагол *слышать* имеет значение «воспринимать с помощью органов слуха издаваемые, производимые кем-то звуки, различая их» и сочетается с конкретным существительным *гомон*; во втором – употребляется в значении «знать, обладать сведениями», относится к глаголам познания и сочетается с абстрактным существительным *коллективизация*, выступающим в качестве объекта мысли.

Глаголы ЛСГ речевой деятельности также имеют ментальную семантику на уровне вторичных прямых значений, выражающих синкретизм мысли и речи: *заявлять, лгать, уверять, уговаривать* и т. п. Более того, в употреблении многих глаголов речевой деятельности, по образному выражению В. Г. Гака, «мысль вытесняет речь» [Гак, 1993, 28]. Например, в нашем материале, *Иван говорит, что...* значит фактически *Иван считает (думает), что...*. Выражение *по его словам* фактически значит *по его мнению; он думает, что...*

Кроме того, к ближней периферии относятся глагольные лексемы, которые имеют ментальную семантику во вторичных переносных значениях.

Глаголы движения и местопребывания широко используются в нашем материале для выражения развития мысли, динамики мыслительного процесса: *пришло в голову, держать в голове, выскочить из головы; вбить в голову, выбить*

из головы. Иногда такие глаголы получают новые значения: *до него не доходит* (значит, не понимает).

Глаголы обладания (*иметь, брать, хватать, схватывать* и др.) также могут приобретать ментальные значения. Например, *откуда ты это взял?* (= откуда ты это узнал? что ты придумал?). Нередко у этих глаголов ментальное значение появляется в составе фразеологических сочетаний: *иметь в виду, брать в толк, хватать, схватывать на лету* и т. п.

Ментальные значения могут получать глаголы конкретного физического действия. Например, глаголам *сечь, рубить, тянуть* присуще значение «понимать», «иметь умственные способности».

В орбиту мышления втягиваются и так называемые «кулинарные» глаголы: *это трудно переварить; ему надо все разжевать*.

У всех глагольных лексем, приобретающих ментальный компонент во вторичных значениях, прямых и переносных, имеет место семантическая модуляция, результаты которой обнаруживаются при сопоставлении компонентов семантической структуры слова, сложившейся в системе языка, со смысловой структурой словоформы, функционирующей в тексте, в частности в высказывании, равном предложению. Фиксация таких процессов в словарях свидетельствует о регулярности процессов переосмысления системообразующих, контекстуальных и конситуативных признаков в смысловой структуре слова и может рассматриваться, на наш взгляд, как системно-языковой факт взаимодействия литературного языка и диалекта.

К дальней периферии относятся ментально отмеченные лексемы, одни из которых имеются в толковых словарях литературного языка и диалектной речи, но в нашем материале они употребляются в значениях, которые еще не нашли отражения в справочной литературе. Другие глагольные лексемы, относящиеся к дальней периферии, не зафиксированы в толковых словарях литературного языка и диалектной речи, однако в нашем материале они встречаются в устных и письменных текстах и обозначают различные характеристики мыслительного процесса.

Так, следующие глагольные лексемы употребляются в значениях, которые не зафиксированы в словарях: *вытравлять мысль* («избавляться от мысли»), *кваситься* («раздумывать, колебаться»), *метить сапухой* («плохо думать»), *запутляться* («запутаться, не знать как вести себя, что делать»), *нанизывать на шпигарь* («учитывать»), *охолонуть* («начать спокойно, трезво думать»), *пытать/спытать* («проверить»), *раскорячиться* («заспорить»), *располагать* («думать»), *распутляться* («найти выход из положения»), *спорушиться умом* («сойти с ума»), *шириться* («о голове: не знать, о чем думать, что делать»).

Например, лексема *метить* в литературном языке имеет значение «ставить отличительный знак, метку» [СРЯ, 1986, т. 2, 260]. В трилогии Е. А. Кулькина это слово употребляется в следующем контексте: *Нет, Мануил, злой ты человек, оттого и другого сапухой метишь. А зловредному человеку решительно в колхозе делать нечего* [Кулькин, 1996, 328].

В ходе психолингвистического эксперимента, когда информантам предлагалось объяснить значение слова *метить* в этом контексте, из пятнадцати

опрашиваемых жителей станицы Луковской десять сошлись во мнении, что глагол *метить* имеет здесь значение «плохо думать о ком-то». Такое объяснение подтверждает то, что в данном случае в смысловой структуре глагола *метить*, обозначающего в литературном языке конкретное физическое действие, связанное с помещением какого-либо знака на чем-либо, где-либо, происходят семантические изменения деривационного характера. В результате глагол *метить* обозначает мыслительную деятельность, представленную в виде ментального отношения субъекта к объекту мысли. В контексте романа Е. А. Кулькина определения *злой, зловредный*, имеющие отрицательную коннотацию, а также диалектное слово *сапуха*, обозначающее сажу, которое в народном сознании ассоциируется с чем-то плохим – грязью, клеветой, нуждой [см.: СД, 1999, IV, 127], – характеризуют это ментальное отношение как негативное.

Выражение *метить сапухой* хорошо известно жителям станицы Луковской. Они часто употребляют его именно в значении «плохо думать о ком-то». Вот как объяснял выражение *метить сапухой* информант В. В. Суров: – *Напился пьяным, на кого-то замахнулся – говорят: «Ну ты и отчебучил!», в огород залез, там поломал что-то, изгородь, например, – опять «отчебучил», а потом уже его все время сапухой метят, ну и правильно – заслужил.*

В конситуации отрицательных действий (*напился пьяным, замахнулся, поломал изгородь, отчебучил*) в значении «неожиданно натворил, совершил что-то плохое» и в сочетании со словом *сапуха* глагол *метить* обозначает не конкретное физическое действие, а указывает на отрицательную оценку, связанную с ментальным отношением субъекта к объекту мысли. В представлении казаков человек, помеченный сапухой (сажей), выделяется среди других только в негативном отношении, о нем думают как о плохом человеке.

Кроме того, выражение *метить сапухой* употребляется жителями станицы Луковская в значении «наговаривать на кого-то, обвинять в чем-либо». Например, А. С. Щеголькова в разговоре об одной своей соседке сказала: *Вот сплетница, вот любит сапухой людей метить, уж не одному жизнь испортила!*

А другой житель этой станицы В. Ф. Родионов, вспоминая о сталинских репрессиях, которые не обошли стороной и его земляков, рассказывает: *Страшное было время, того и гляди тебя сапухой пометят и ночью увезут туда, откуда мало кто вернулся.*

В данном случае лексема *метить* не является ментальной, она относится к глаголам речи, поскольку в ее смысловой структуре актуализируется категориально-лексическая сема ‘осуществление речевой деятельности’, а сема ‘осуществление ментальной деятельности’ становится дифференциальной. Лексема *метить* включается в новый синонимический ряд – *заявлять, наговаривать, обвинять, оговаривать, судачить* и т. п. Эти и подобные примеры можно рассматривать как факт модуляционных семантических изменений, так как категориально-лексическая сема ‘осуществление ментальной деятельности’ не разрушается, а принимает статус дифференциальной в процессе функционирования словоформы в тексте.

Примером семантической деривации может служить употребление в нашем материале глагола *кваситься*, у которого в толковых словарях литературного

языка дается значение «становиться кислым» [ССРЛЯ, 1956, V, 912; СРЯ, 1986, II, 44]. В трилогии Е. А. Кулькина встречаем этот глагол в значении «раздумывать, колебаться»: *Пока шли разговоры, в колхоз записалось человек пятнадцать. Из актива. А основная масса еще квасилась, как сказал дед Лобынец* [Кулькин, 1996, 328].

Из пятнадцати информантов, жителей станицы Луковская Нехаевского района, девять человек идентифицировали это слово в данном значении.

Жительницы станицы А. С. Щеголькова и К. Г. Суровцева, рассказывая о некоторых моментах своей жизни, употребили глагол *кваситься* также в значении «раздумывать, колебаться». Например, А. С. Щеголькова вспоминала о том, что она долго не решалась выйти замуж за своего будущего мужа, в конце концов ее мать не выдержала и сказала: *Ну что ты квасишься, так и досидишься, пока не закиснешь и никому не нужна будешь*.

В подобном контексте употребила это слово и К. Г. Суровцева: *Пока мои родители квасились, отдавать меня за Федора или нет, я взяла и убежала к нему*.

Привычным для информантов является слово *квасить* в значении «подвергать кислому брожению» (*я чаще каймак делаю, а молоко почти не квашу; на зиму и огурцы солим, и капусту квасим*). Однако сам факт осознания большинством информантов слова *кваситься* в значении «раздумывать, колебаться» свидетельствует об его этнолингвистически значимом ассоциативном переосмыслении, которое находит отражение в смысловой структуре слова как результат семантической деривации.

К дальней периферии можно также отнести глагольные лексемы, которые не зафиксированы в толковых словарях литературного языка и диалектной речи, но в нашем материале они как ментально отмеченные встречаются в устных и письменных текстах: *волокитеть* (в значении «заботиться, думать»), *вортонить/свортонить* («придумать что-нибудь оригинальное»), *запохожиться* («стать ясным»), *дотошничать* («допытываться, вникая в каждую мелочь»), *засмыслиться* («задуматься»), *опочиниться* («опомниться»), *расчислять* («думать»), *смякетить* («сообразить»).

Сюда же относятся глаголы, которые обозначают прекращение мыслительной деятельности в силу определенного психического состояния субъекта: *вертухнуться* (в значении «потерять рассудок»), *помрачиться*, *порушиться/спорушиться умом* («сойти с ума»), *ошалометь* («сойти с ума»).

Особенностью этих глаголов является то, что они образованы на основе продуктивных словообразовательных моделей современного русского литературного языка и в большинстве своем соотносятся с существующими литературными словами. Например, у глагола *волокитеть* явно прослеживается связь с существительным *волокита*, *дотошничать* соотносится с прилагательным *дотошный*, *засмыслиться* – с глаголом *мыслить*, *расчислять* – с глаголом *вычислять* и т. д. Видимо, здесь наблюдается влияние литературного языка на диалектную речь.

О ментальной семантике данных глаголов свидетельствуют не только их употребление в контекстах письменной речи, но и объяснение информантами значения этих глагольных лексем в ходе проведения психолингвистического

эксперимента. Однако случаи употребления и узнавания таких лексем довольно ограничены, и это означает, что данные слова могут рассматриваться только как окказионально-речевой факт.

Единицы ближней и дальней периферии также соответствуют основным параметрам ментального поля, обозначая различные стороны мыслительного процесса.

Таким образом, анализ функционально-семантических свойств ментальных глаголов русского литературного языка и диалектной речи показывает, что данные лексемы не просто называют процесс мышления, а содержат в своей семантике элементы его описания, свидетельствующие о наличии базовой семантической модели, связанной с отражением структуры мыслительного процесса: субъект мыслящий, сам процесс мысли, объект мысли.

Базовая модель, обобщенно передающая сущность отображаемой типовой ситуации, связанной с процессом мышления, может рассматриваться в качестве идентификатора, который служит основанием лингвистического описания ментальной глагольной лексики в рамках функционально-семантического поля.

Полевой подход является предпосылкой для объяснения различных рече-мыслительных процессов, затрагивающих сферу литературного языка и диалектной речи, среди которых наиболее продуктивными оказываются семантические изменения двух типов – модуляция и деривация.

В условиях контекста во взаимодействии с различными контекстуальными уточнителями (абстрактные существительные, наречия, синтаксические особенности построения высказывания и др.) в смысловой структуре ментальных глагольных лексем осуществляется опосредованная реализация мыслительного процесса как действия, состояния или отношения.

Учет представленности ментальной семантики в первичных или вторичных значениях данных лексем позволяет выделить в составе рассматриваемого поля ядерные, центральные и периферийные элементы.

Наличие в нашем материале ментальных лексем, значения которых зафиксированы в толковых словарях литературного языка и диалектной речи как первичные, свидетельствует, во-первых, о прочной традиции употребления этих слов в диалектах, во-вторых, об одной тенденции языкового развития, отражающей своеобразие ментальной деятельности казаков, соотносимой в их представлении с понятиями «ум» и «мозг».

Лексемы, у которых сема 'осуществление ментальной деятельности' входит в структуру вторичных прямых или переносных значений, зафиксированных в соответствующих словарях, свидетельствуют о регулярности процессов перегруппировки разноуровневых признаков в смысловой структуре слова, что может рассматриваться как системно-языковой факт.

Лексемы, у которых сема 'осуществление ментальной деятельности' входит в структуру вторичных прямых или переносных значений, не зафиксированных в названных словарях, служат подтверждением того, что процессы перегруппировки семантических признаков в смысловой структуре ментальных лексем не являются регулярными и могут рассматриваться как речевой факт.

- Апресян Ю. Д. Избр. тр. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и производные от него значения // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 403–542.
- Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. С. 151–166.
- Вежбицкая А. Язык, культура, познание. М., 1996.
- Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1989.
- Гак В. Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993. С. 22–40.
- Головановская М. К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. М., 1997.
- Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1989.
- Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. М., 2000.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1999.
- Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999.
- Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка (К постановке проблемы) // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56. № 3. С. 22–31.
- Кулькин Е. А. Смертный грех: Роман в трех книгах. 2-е изд. Волгоград, 1996.
- Лауфер И. И. Пасынок ментального поля, или Сотворение мнения // Вестн. Моск. гос. ун. Сер. 9, Филология. 2000. № 3. С. 65–74.
- Логический анализ языка. Знание и мнение: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова М., 1988.
- Лопушанская С. П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол: История и современное состояние. Волгоград, 2000. С. 20–29.
- Пименова М. В. Семантика языковой ментальности и импликации // Филол. науки. 1999. № 4. С. 80–86.
- Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопр. языкознания. 1990. № 6. С. 110–122.
- Словарь русских народных говоров. Вып. 1–29. Л., 1965–1995.
- Словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1981.
- Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 1. М.; Л., 1948.
- Телия В. Н. Русская фразеология. М., 1996.
- Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М., 1999.
- [Магнитофонные записи устной речи казаков, сделанные нами в станице Луковская Нехаевского района Волгоградской области в 2000 г.]